

Елена Рудакова

Девятиэтажка

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Р83

Рудакова Е. О.

Девятиэтажка / Рудакова Е. О. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 309 с.

ISBN 978-5-532-94816-7

Приключения простого московского парня в мире рядовой советской девятиэтажки, где каждый этаж и каждая квартира оказываются не тем, чем должны. Сталкиваясь с материализовавшимися воспоминаниями, чужими и своими, с новыми фантастическими мирами и монстрами, главный герой должен обрести силу, найти выход и понять, как устроена девятиэтажка. Люди, встречающиеся ему на пути, оказываются замешаны в странных делах, которые явно как-то связаны с появлением девятиэтажки на окраине Москвы... Изображение на обложке: фотография David Besh с сайта Pexels.

ISBN 978-5-532-94816-7

© Рудакова Е. О., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

1	5
2	14
3	27
4	36
5	51
6	61
7	74
8	90
9	99
10	113
11	124
12	133
13	143
14	149
15	159
16	170
17	180
18	194
19	204
20	216
21	224
22	236
23	250
24	263

25 272

26 287

27 295

«Снимать офис на Арбате недёшево», – подумал Вадим, оказавшись перед стеклянными дверями между понурыми бетонными кариатидами. На табличках у входа, помимо пафосных международных компаний, значилось и бюро частных консультаций доктора Поповой.

На четвёртый этаж Вадим поднялся на лифте со швейцаром, проводившим его безразличным взглядом животного из зоопарка, и наверху он столкнулся с длинным коридором одинаковых стеклянных закрытых дверей. Молчаливый лифтёр не ответил на вопрос о консультациях, и Вадим сам нашёл офис в конце этажа. Серая железная дверь нелепо смотрелась в арбатском офисном комплексе, да и винтажный интерьер в духе советских кабинетов довоенной эпохи за неё казался неожиданным.

Секретарша выхолощено улыбнулась и сразу проводила клиента к доктору в кабинет. Заходя, Вадим привычно пригнулся, хотя в старом доме были и высокие дверные проёмы, но люди двухметрового роста предпочитают не рисковать.

Две стены кабинета были заставлены дубовыми книжными полками от пола до пятиметрового потолка. Современные издания, советские учебники, потрёпанные книги неизвестного года выпуска... Кое-что разбросали на полу, на диване и на рабочем столе. За стопками книг Вадим не сразу заметил женщину средних лет в очках и со строгим хвостом из светлых мелированных волос.

– Господин Ильин? – необычно обратилась она мягким голосом.

Вадим кивнул и сел в кресло напротив женщины, как всегда, не зная, куда девать длинные ноги.

– Присаживайтесь, – с улыбкой сказала она после того, как Вадим уже сел, и тот почувствовал себя неловко.

– Симпатичный кабинет, – попытался он улучшить впечатление о себе.

– Делал английский дизайнер, – женщина достала из-под одной раскрытой книги блокнот, не сразу нашла пустую страницу и взяла

ручку. – Итак, я доктор Ирина Попова. Более пятнадцати лет занимаюсь психоанализом, имею длинный список квалификаций, который можно увидеть на моём сайте. Расскажите немного о себе, господин Ильин.

– Ну, с чего начать... – Вадим не был готов бросаться с места в карьер.

– Начните с главного, – Ирина пристально посмотрела в глаза.

– Я родился в тысяча девятьсот девяносто...

– Нет-нет-нет, – с приторно доброй улыбкой остановила его доктор. – Начните с того: почему вы соврали о моём кабинете?

– Соврал? – нахмурился Вадим. Он чувствовал себя менее комфортно с каждой секундой.

– Соврали, – кивнула Ирина. – Вам на самом деле не нравится мой кабинет. Почему?

– Видите людей насквозь? – хмыкнул Вадим. – Честно говоря, я люблю порядок, а у вас всё разбросано.

– Считаете меня неряшливой?

– Я бы не стал так радикально выражаться...

– Не врете снова, в этом корень ваших бед.

Повисла тишина, и Вадим услышал, как секретарша в коридоре варит ему кофе.

– Мать настояла, чтобы я пришёл к вам, – заговорил он.

– Я помню госпожу Ильину. Мы с ней чудесно поработали после смерти вашей бабушки, – улыбнулась Ирина, глядя вдаль, будто вспоминая старые-добрые времена.

«Как бестактно для психотерапевта», – подумал Вадим, всё меньше желая раскрывать душу перед этой женщиной.

– Они с отцом переехала обратно в Ессентуки, – сказал он.

– Так вы теперь живёте один?

– Да, снимаю квартиру на юге.

– В каком доме?

– В смысле? Вам адрес назвать?

– Нет. Сколько этажей в доме?

– Э-э-э... Вроде семнадцать, – удивился Вадим странному вопросу. – А что?

– Просто интересно. А вы на каком живёте?
– На десятом.
– Хорошо-хорошо. А планировка какая у вашей квартиры?
– Ну обычная однушка. Я не разбираюсь в этом, простите. И зачем вам?

– Среда обитания определяет поведение, – проговорила Ирина, что-то записывая в блокнот. – Опишите свою квартиру.

Вадим сначала бегло описал обстановку, но, благодаря куче навешенных вопросов доктора, вспомнил и сломанный шкаф, оставшийся от прошлых владельцев, и зеркало в плетёной оправе, и две гитары, висающие на стене, и набор для раскуривания трубки, хранящийся в комодке, и отходящий плинтус на кухонном потолке, и разложенные по размеру бритвенные принадлежности на стиральной машинке, и развешанные по дате стирки чёрные рубашки в гардеробе, и рассортированные по остатку дебетовые карты на прикроватной тумбе.

– Всё ясно, – кивала Ирина, будто конспектируя каждое слово. – Перфекционист?

– Вроде того, – пожал плечами Вадим. – Просто люблю порядок.

– Всё ясно, – с ухмылкой повторила Ирина, а Вадим закатил глаза. Он не ожидал, что психотерапевт, так воспеваемый матерью, окажется твердолобой бабой, оценивающей людей по одной-единственной привычке. – Это мешает общаться с людьми?

– Нет.

– Вас не раздражает бардак у других дома? Скажем, если они ставят салфетницу не по центру стола или несимметрично держат цветы на подоконниках?

Вадим начинал закипать. Он считал себя терпеливым человеком, но, если выходил из себя – Земля содрогалась.

– Меня раздражают ограниченные люди, – как можно спокойнее сказал он.

– Почему вы носите чёрную одежду? – удивилась Ирина, будто только что заметив рубашку Вадима.

– Самый простой и элегантный цвет.

– У вас много чёрных вещей дома?

Прежде, чем ответить, Вадим потёр руками виски и подумал: «Спокойствие, только спокойствие... Раз. Два. Три. Четыре. Пя...»

– Я спросила: у вас много чёрных вещей дома? – прокричала Ирина, не снимая дружелюбной улыбки с лица.

– Вас прекрасно слышно, – тихо ответил Вадим. – Я пытался сосредоточиться, чтобы не наорать на вас.

– Наконец-то, вы показываетесь из-под скорлупы! – хлопнула в ладоши доктор. – Вас нервируют яркие цвета?

– Возможно.

– Как вы считаете, почему?

– Я считаю, что зря пришёл на приём, – заявил Вадим и поднялся из кресла.

– Стойте, ещё один вопрос! – Ирина протянула руку в сторону уходящего, словно потянула затёкшую мышцу руки.

– Ну? – Вадим обернулся уже на выходе.

– Почему мать направила вас ко мне?

– Потому что знает вас, – хмыкнул Вадим. – Но понятия не имею, как вы могли ей помочь.

– Нет, я имела в виду другое. Почему она направила вас к психотерапевту?

– А, это... – Вадим думал уходить, но решил, что один ответ ни к чему плохому не приведёт. – Она считается, что я слишком нервный... И что это мешает мне найти семью и наделать ей внуков, хотя я этого в ближайшем будущем и не планирую.

– Вы так же встаёте и уходите посреди разговора с матерью?

Вадим задумался. Он всегда считал себя уравновешенным собеседником, но, если подумать, именно при общении с матерью терпение часто давало сбой.

– Иногда, – ответил он, делая шаг обратно к столу доктора Поповой.

– Что служит триггером вашего ухода? После чего вы можете потерять терпение?

– Сложно сказать... – Вадим по привычке горбился, стараясь спрятать высокий рост. – Наверное, её советы.

– Объяснимо, – улыбается Ирина. – Но это не советы о поиске жены. Ваши проблемы иного толка.

– Вы строите из себя экстрасенса? Будете читать мои линии на руке?

– Это не так работает, – покровительственно усмехнулась женщина.

– А как? Мать, кстати, ни слова не говорила о том, как именно проходили сеансы. Сказала только, что мне понравится. И знаете, это вызывает определённые предчувствия...

– Пожалуйста, придерживайте пошлые фантазии.

– Да я даже не намекал! – ахнул Вадим и не заметил, как снова оказался в кресле пациента. – Не делайте из меня извращенца!

– Извращений в вас тоже хватает, но мы будем работать не с ними. Не только с ними.

Вадим сглотнул.

– Я хочу, чтобы вы подумали, – сказала Ирина, откладывая блокнот, – и назвали мне самую странную вещь о себе. Не обязательно то, что замечают родители или друзья. Что угодно. Я подожду.

Он облокотился на острое колено, прикидывая в уме, что сказать психотерапевту. Сначала он думал, чего бы поубедительнее наврать, но, поняв, что больше не придёт сюда, решил сказать правду. Однако Вадим действительно не мог представить достойную упоминания странную вещь. Настолько странную, чтобы она не встречалась ни в ком из его знакомых. Разве что...

– Мне всегда казалось, будто я к чему-то готовлюсь, – решил Вадим, не отрывая взгляда от начищенного кабинетного паркета.

– Вы чувствуете, будто ваша настоящая жизнь ещё не началась? – кивнула доктор. – Такое бывает у многих пациентов...

– Нет, у меня скорее наоборот. Я не думаю, что попаду в Хогвартс или спасу параллельное измерение, – с усмешкой потерявшего мечты ребёнка ответил Вадим. – Я пытаюсь запомнить каждую мало-мальски значимую деталь своей жизни. Даже не так. Самую незначимую деталь я, наоборот, стараюсь запомнить в два раза точнее.

– Для чего именно? – Ирина перелистнула блокнот на новый лист.

– Вот тут начинаются сложности... Помните фильм «Миллионер из трущоб»? Там совершенно случайные знания помогли парню выиграть. А мне кажется, будто однажды у меня спросят: «Вадим, какого цвета был ошейник на мопсе, которого ты встретил у зоопарка тринадцатого октября в семь лет?» Я отвечу: «Синего», и... ну...

– И что же произойдёт?

– Да не знаю я! – раздражённо махнул рукой парень. – Я представлял разные обстоятельства, но всё сводилось к тому, что это знание могло спасти жизнь мне или кому-то ещё.

– Такие мечты не сильно отличаются от желаний пациентов, скорбящих по Хогвартсу, в который они никогда не попадут, вам не кажется? – сочувственно спросила доктор.

– Я не представляю ничего нереального! – хлопнул Вадим себя по коленке.

– А кто в реальности, по-вашему, захочет вас протестировать и будет знать цвет ошейника какого-то там мопса? – с издёвкой, как показалось Вадиму, заявила она.

– Кто-нибудь да будет знать... А! Зачем я вам это рассказал! – махнул рукой Вадим.

– Не кипятитесь, – сказала доктор, чем ещё больше его взбесила. – Получается, тогда, в семь лет вы начали коллекционировать незначительные детали жизни и систематизировать свою память?

– М-м-м, можно и так сказать.

– Считаете ли вы, что ваша память прочнее памяти других людей?

– Да, я часто замечал, как люди забывают не только мелочи, но и важные вещи. Например, недавно мы с товарищем ездили по делам в Тверь. Он забыл с какого вокзала мы отправляемся, но я хорошо запомнил, что с Ленинградского, потому что на сайте была контекстная реклама отелей в Питере, и я хотел запомнить шрифт, которым было написано название одного из них.

– Тип шрифта мог понадобиться тому же человеку, который спросит у вас о цвете ошейника мопса, встретившегося у зоопарка?

– Да вы меня за психа держите, – Вадим хрустнул костяшками, – я не говорю, что есть какой-то конкретный человек, который следит